

С. Едыгарова (Тарту)

Основные способы выражения предикативной посессии в удмуртском языке

1. Цели и задачи

Данная статья является первым этапом на пути исследования предикативной посессии в удмуртском языке, целью которой является выявление всех возможных предикативных конструкций, которые в первую очередь выражают отношение посессивности. В ходе исследования будет дана классификация конструкций, краткое описание их структуры и средств выражения, а также описание семантических особенностей.

2. Теоретическое обоснование

В современной лингвистической литературе существует множество типов классификации категории посессивности. Одной из основных классификаций является выделение двух лингвистических типов посессивности: атрибутивной и предикативной. Структурная субкатегоризация посессивности на атрибутивную и предикативную дает возможность (а) исследовать проблему во взаимодействии со всеми уровнями языка, (б) проводить типологические исследования категории, (в) исследовать диахронический аспект проблемы. Такая классификация принята многими лингвистическими направлениями и исследователями см., например [Бондарко 2001: 45, 45; Чинчлей 1996: 101 (в ТФГ); Категория 1989: 133, 164; Heine 1997: 25 и т. д.].

Основной отличительной чертой предикативной посессии является то, что здесь представлены все три компонента посессивной ситуации: обладатель, обладаемое и посессивный предикат [Чинчлей 1996: 101]. Существует также мнение, что предикативная посессия также отличается от атрибутивной в содержательном плане, например, предикативная посессия выражает более спе-

цифические узкие значения посессии, когда атрибутивная посессия может выражать более обобщенные понятия [Langacker 1995: 63; Heine 1997: 26].

Относительно семантических типов посессивности в литературе принято выделять отношения обладания и принадлежности, которые реализуются с помощью разных структурных конструкций см., например, [Категория 1989: 113; Бондарко 1996: 99 (в ТФГ); Чинчлей 1996: 117; Писаркова 1974: 172; Heine 1997: 29 и др.]. Некоторые ученые к данному ряду относят и отношение партитивности [Чинчлей 1996: 100]. Так, предикативная посессия, выражающая отношения обладания, может быть представлена посессивным предикатом 'иметь' или (и) 'быть', которые Э. Бенвенист обозначает схемами 'mihi est' и 'habeo' [Бенвенист 1974: 212; Категория 1989: 164, 172; Чинчлей 1996: 101; Heine 1997: 57–58], ср. рус. *У меня есть книга* и фр. *J'ai un livre*, где первый пример является типичной 'mihi est'-конструкцией, а второй – 'habeo'-конструкцией. Как правило, в языке используется один из двух, но в языках как русский, украинский могут использоваться оба [Категория 1989: 164; Heine 1997: 107]. Предикативным конструкциям, выражающим отношения принадлежности, соответствуют иные структурные схемы, ср. рус. *Эта книга моя* и фр. *Ce livre est à moi*.

Категория посессивности также может иметь семантическую классификацию. Посессивное отношение неотчуждаемости в лингвистической литературе встречается наиболее часто и противопоставляется отчуждаемой принадлежности. Неотчуждаемая принадлежность выражает такое отношение обладаемого и обладателя, когда первое мыслится как неотъемлемая часть второго. Такого рода отношения в некоторых языках могут иметь разное морфолого-синтаксическое выражение [Журиная 1978: 16–38; Журиная 1979: 295–347; Категория 1989: 45–61; Чинчлей 1996: 10–116; Heine 1997: 10–16, 172]. Кроме того, содержание посессивности могут определять отношения одушевленность – неодушевленность, отношения целого к части (партитивность), абстрактность и предметность и т. д. [см. подробнее Категория 1989: 44–70; Heine 1997: 34–35].

Следующий немаловажный факт, выделяемый многими учеными, – дифференциация собственно посессивных и несобственно посессивных конструкций. В первом случае основным значением конструкции является посессивность, во втором – это значение является дополнительным или косвенным [Категория 1989: 113]. Представители функциональной грамматики конструкции с основным посессивным значением называют центром семантического поля, а остальные – периферией [Бондарко 1996: 99, Бондарко 2001: 45; Чинчлей 1996: 103]. Б. Хайне также выделяет доминирующие (major schema) и редкие (minor schema) посессивные схемы, где первые могут выражать обширные посессивные отношения, а вторые – лишь специфические [Heine 1997: 104–105]. В данной статье мы будем рассматривать только основные конструкции предикативной посессии, или конструкции, выражающие собственно посессивное значение.

Вышеприведенный материал не исчерпывает сущность и особенности категории притяжательности. В своем исследовании мы будем следовать дан-

ным фактам, которые лягут в основу нашей классификации предикативной посессии в удмуртском языке.

Необходимо отметить, что исследование проводится на материале современного удмуртского языка. Так, в основу работы вошли примеры из современного молодежного журнала "Инвожо".

Основываясь на языковом и теоретическом материалах, в ходе исследования нами были выявлены следующие группы и конструкции, непосредственно выражающие посессивные отношения в удмуртском языке:

1. Выражение значения обладания:

а) N Gen NPx ван':

(2: 27) *Милям тодмо интыосмы но вань ни.* 'У нас уже есть знакомые места'.

б) NPx ван':

(3: 49) *Коркан номырмы ёвёл ук.* 'У нас же ничего нет дома'.

в) N Gen N ван':

(1: 40) *Милям котьма вань.* 'У нас есть все'.

г) N Gen NPx N:

(1: 40) *Гватемалец-ъёс-лэн ньлпиос-сы трос.* 'У гватемалцев детей много'.

2. Выражение значения принадлежности:

а) N N Gen:

Книга студент-лэн. 'Книга принадлежит студенту'.

б) N N Gen NPx:

(1: 36) *Со Иоханналэн картэз.* 'Он муж Иоханны'.

в) N N Dat N:

Со мыным эш. 'Он мне друг'.

г) N N Gen (Dat) NPx(ø) luini:

(3: 37) *Со ук дивизилэн командирез луэ.* 'Он же является командиром дивизии'.

3. Основные предикативные конструкции, выражающие отношение обладания

В данной группе центральное место занимает конструкция с предикатом *вань* 'есть, быть в наличии', отрицательной формой которого является *ёвёл* 'нет, нет в наличии'. Классическое удмуртское предложение обладания имеет следующую морфолого-синтаксическую структуру: обладатель выражен генитивом *-лэн*, является косвенным дополнением в предложении; обладаемое имеет притяжательный суффикс, соответствующий лицу обладателя, и является подлежащим; конечное положение в предложении занимает посессивный предикат *вань* или *ёвёл* в отрицательном утверждении, ср. *Студент-лэн книга-ез вань / ёвёл.* 'У студента есть книга/нет книги'. Данная структура позволяет утверждать, что удмуртский язык является типичным 'mihi est liber' языком, или языком, где предикативное отношение обладания выражается с помощью экзистенциального предиката. Данная конструкция может иметь различные варианты, в частности, имя обладателя может быть не выраженным, ср. *Книга-е вань* 'У меня есть книга (букв. Книга-моя есть)'; посессивный суффикс может отсутствовать, ср. *Ми-лям котьма-ø вань* 'У нас есть

все»; предикат *вань* может отсутствовать, ср. *Студент-лэн книга-ез вьль* 'У студента книга новая'. Далее мы рассмотрим подробнее данные конструкции.

3.1. Конструкция NGen NPx ван

Предикативная конструкция обладания в удмуртском языке по морфолого-синтаксическому выражению, в отличие от многих языков, совпадает со структурой атрибутивной посессивной конструкции, ср. *студент-лэн книга-ез* 'книга студента'. В данном случае, обладатель, выраженный формой генитива, в предложении играет роль атрибута или определения, а обладаемое – подлежащего или косвенного дополнения (никогда прямого дополнения). В предикативном случае, обладатель является косвенным дополнением и имеет непосредственную связь с посессивным предикатом *вань*:

(2: 38) *Котькуд калыклэн аслаз чеберлыкез но аспӧртэмлыкез вань.* 'У каждого народа есть своя красота и особенность'.

(3: 4) *Мынам вань аслам учкисьёсы, кудъёсыз монэ валало.* 'У меня есть свои зрители, которые меня понимают'.

(2: 64) *Кин малта, солэн ноқыёе быгатонлыкез, талантэз өвӧл шуыса, берло ачиз но пайме.* 'Кто думает, что у него нет никакого умения, таланта, потом сам удивляется'.

Примеры атрибутивной посессии:

(4: 26) *Солэн бусыосаз бакча сиёнъёс паймымон удалтылӧзы.* 'На его полях овощи всегда удавались'.

(6: 166) *Тынад сюлмыд ачиз шедьтоз со доры нуись сюресэз.* 'Твое сердце само найдет ведущую к нему дорогу'.

Явление генитива в функции определения и дополнения можно объяснить тем, что современный удмуртский генитив на *-лэн* исторически восходит к пространственному падежу, а именно к адессиву [Szinyei 1910: 73–74; Серебренников 1963: 53; Основы 1976: 149]. Можно предположить, что адессивное обстоятельство, которое выражало значение 'находиться около / у кого-нибудь и чего-нибудь', в общепермском языке со временем (а) было вовлечено в посессивную конструкцию для обозначения обладателя, а затем (б) в распространенных предложениях утратило связь с предикатом и стало пониматься как посессивное определение, а сама форма приобрела значение генитива, т. е. атрибутивная посессивная конструкция образовалась на базе предикативной.

Кроме того, атрибутивная конструкция с генитивом, в отличие от предикативной, выражает отношения принадлежности, а глагольная – обладания. Некоторые ученые отмечают, что одной из основных отличий конструкции обладания от конструкции принадлежности является то, что объект обладания в первом случае всегда является неопределенным, ср. фр. *J'ai un livre* (**J'ai le livre*) 'У меня есть книга', *Ce livre est à moi* (**Un livre est à moi*) 'Эта книга моя' [Бенвенист 1974: 212; Langacker 1995: 63; Артюнова, Ширяев 1983: 21; Heine 1997: 30]. Как известно, в удмуртском языке, как и в венгерском, объект обладания в классическом варианте имеет посессивный суффикс. На примере венгерского языка Бирман [см. в Heine 1997] утверждает, что посессивный суффикс обладаемого в предикативной конструкции не имеет определительной функции и не означает определенности объекта:

Péter-nek van votká-ja. 'У Пети есть водка'.

Péter-nek van a votká-ja. 'Водка (предназначена) для Пети'.

В этих примерах в первом случае объект обладания не имеет определенного артикля и выражает классическое высказывание обладания. Во втором предложении объект имеет определенный артикль *a*, этот фактор меняет весь смысл предложения. Таким образом, в удмуртских примерах типа *Студент-лэн книга-ез вань* 'У студента есть книга' притяжательный суффикс стоит рассматривать как указательный (демонстративный), который указывает на лицо, в чьей сфере влияния находится объект, а не как определенный (дефинитный) суффикс.

Наконец, главной отличительной чертой предикативной конструкции является наличие посессивного предиката *вань/дьёл* 'быть в наличии / отсутствовать в наличии'. Глагол *иметь* в удмуртском языке не существует. Встречается глагол *асьяны*, но он имеет узкое негативное значение 'присвоить'. Помимо глагола *вань* в удмуртском языке существует глагол *луыны*, имеющий множество значений, в том числе одним из основных является значение 'быть'. Отличие этих глаголов в том, что первый употребляется в значении экзистенциального предиката и соответствует рус. 'есть', англ. 'there is', фр. 'il y a', нем. 'es geben', в то время как *луыны* имеет более специфические значения.

Э. Бенвенист предлагает различать два слова в глаголе 'быть': один как 'связка' или грамматический показатель тождества, а другой как полнозначный глагол, выражающий значение 'существовать, принадлежать действительности' [Бенвенист 1974: 203]. В некоторых индоевропейских языках глагол имеет место в обоих случаях:

Англ. *The book is beautiful.* 'Книга красивая'.

Англ. *There are many beautiful books in the world.* 'На свете есть (существует) много красивых книг'.

В удмуртском языке глагол *вань* может служить глаголом-связкой в высказываниях типа (3: 75) *Мынам кылэме вань.* 'Я слышал', и полноценным знаменательным глаголом со значением 'существует, имеется в действительности', который не приобретает показателей лица и числа, ср. (2: 21) *Бен, Москваын ваньмыз вань.* 'Да, в Москве есть все'. Грамматическим показателем тождества в удмуртском языке является пауза, ср. (2: 28) *Мон – тылобурдо.* 'Я птица'. В языке особенно широко распространены формы прошедшего времени *вал, вылэм, выльллям*, которые, кроме выражения экзистенциального значения, также участвуют в формировании аналитического прошедшего времени (в этом случае они обозначаются как формообразующие частицы [ГСУЯ 1960: 353]) и регулярно появляются в функции связи в предложениях, в которых в настоящем времени нет глагольного предиката (в этом случае данный глагол рассматривают как вспомогательный глагол [ГСУЯ 1960: 213]), ср. *Мон адзи вал.* 'Я видел', *Мон тылобурдо вал.* 'Я был(а) птицей'. Форма будущего времени экзистенциального глагола *вань* выражается глаголом *луыны*, который как самостоятельный глагол имеет множество значений, например, 'быть, бывать, являться, быть способным, получаться, случаться, происходить и т. д.'. В этой функции глагол *луыны* употребляется в форме будущего времени. Кроме того, данный глагол появляется в качестве

вспомогательного глагола-связки для грамматического выражения будущего времени в именных высказываниях, ср. *Татын школа луоз*. 'Здесь будет школа', *Мон тылобурдо луо*. 'Я буду птицей'.

Отрицательной формой глагола *вань* является *өвөл*, которая появляется во всех высказываниях настоящего времени, ср. *Мынам кылэме өвөл*. 'Я не слышал', *Мон тылобурдо өвөл*. 'Я не птица'; (2: 21) *Соос удмурт эстрадаын өвөл*. 'Их нет в удмуртской эстраде'. Отрицательные формы прошедшего времени могут образоваться как аналитическим, так и синтетическим путем, ср. *ой вал*, *өвөл вылэм*, *вылымтэ*. Формы будущего времени образуются по обычным правилам: *уз луы*, *уз луэ* 'не будет, не будут' и т. д.

Таким образом, посессивная конструкция с предикатом *вань* основана на экзистенциальном высказывании путем добавления третьего компонента, имеющего функцию субъектного локализатора, и выражает значение 'наличие, существование / отсутствие одного предмета во власти другого'. Как и экзистенциальные конструкции, притяжательные имеют точно такие же временные и отрицательные формы. В первом прошедшем времени конструкция имеет одну фиксированную форму единственного и множественного числа: *Студентлэн книгаез (книгаосыз) вал / ой вал*. 'У студента книга (книг) была / не было'. Во втором прошедшем времени отдельно выделяются формы ед. и мн. числа, ср. *Студентлэн книгаез вылэм / өвөл вылэм, вылымтэ*. 'У студента книга, оказывается, была/не было' и мн. ч. *Студентлэн книгаосыз вылйллям / өвөл вылйллям, вылйллямтэ* 'У студента книги (книг), оказывается, были / не было'. Остальные формы прошедшего времени образуются редко, ср. *Солэн книгаез вань вал*. 'У него книга была', *Солэн книгаез луоз вал*. 'У него книга бывала'. В функции будущего времени глагола *вань* глагол *луыны* в посессивных конструкциях употребляется в форме 3-го лица ед. и мн. ч., ср. *Анналэн пиналыз луоз*. 'У Анны будет ребенок' и *Анналэн пинальёсыз луозы*. 'У Анны будут дети'.

(4: 51) *Бен, вал ни мынам та выллем передачае*. 'Да, у меня уже была подобная передача'.

(2: 21) *Мылкыд но ой вал*. 'И настроения не было'.

(4: 28) *Адямилэн ваньмыз луоз*. 'У человека будет все'.

3.2. Конструкции NPx ван'

В этой группе мы рассматриваем конструкции, где отсутствует имя, обозначающее обладаемое. Эта группа может рассматриваться как разновидность предыдущей конструкции.

(3: 9) *Опыт-э вань, валан-э но вань кадь йётэ*. 'Опыт у меня есть, и понимание у меня есть, кажется', букв. 'Опыт-мой есть, понимание-мое тоже есть, кажется'.

(2: 21) *Туж бадзым мылкыдмы вань профессиональной коллектив луыны*. '(У нас) есть очень большое желание-наше стать профессиональным коллективом'.

(3: 49) *Коркан номырмы өвөл ук*. 'У нас же ничего нет дома', букв. '(У нас) в доме ничего-наше нет'.

(4: 40) *Пöлазы вань пичи арганичиоссы*. 'Среди (них) есть юные гармонисты-их'.

В подобных конструкциях на посессор указывает посессивный суффикс, а само имя посессора является эллиптическим. Такие конструкции возможны, в основном, когда посессором является 1 или 2 лицо. 3 лицо также может подразумеваться, если до этого в коммуникативном общении было названо соответствующее лицо или предмет.

(4: 10) *Дырыз но ёвл.* 'И времени нет у него', букв. 'И времени(-его) нет'.

Корка пуктйсько. Гурез вань ини. 'Дом строю. Уже печь (-его) есть'.

Конструкция является типичной для удмуртского языка, поскольку употребление притяжательных форм личных местоимений с последующим объектом с притяжательным суффиксом стилистически является лишним.

3.3. Конструкция NGen N van'

В данной конструкции обладатель выражен только именем, и обладаемое не имеет указывающего на обладателя притяжательного суффикса. Эту конструкцию также можно рассматривать как вариант классической посессивной конструкции.

(1: 40) *Милям котьма вань.* 'У нас есть все'.

(5: 20) *Милям ваньмыз вань.* 'У нас есть все'.

(2: 27) *Нош милям сы́че опы́т вань.* 'А у нас есть такой опыт'.

Подобная конструкция возможна только в случае, когда обладаемое представлено личным или возвратным местоимением. Притяжательный суффикс в настоящей конструкции может не появляться по той же причине, что и в предыдущей конструкции – из стилистических соображений.

3.4. Конструкции NGen NPx N

В этом параграфе рассматриваются конструкции, которые подразумевают предыдущие варианты, но не имеют предиката *вань*. Выше было сказано, что притяжательная конструкция с глаголом *вань* является одним из типов экзистенциального высказывания. Кроме того, существуют такие экзистенциальные высказывания, где данный глагол не появляется, поскольку в них доминируют другие значения, например, пространственная локализация, качество, количество, тождество. В подобных высказываниях в европейских языках появляется глагол-связка 'быть', в удмуртском языке в данных высказываниях глагол-связка не появляется.

(3: 49) *Нош нолэс кыдёкын.* 'А лес далеко'.

(3: 8) *Мон шаплы.* 'Я активный'.

(2: 27) *Кунгож съёрын автостопен ветйсьёс трос гинэ, пе.* 'Говорят, автостопщиков за рубежом довольно много'.

(2: 15) *Кык суред – кык амал.* 'Две картины – два способа'.

Особенностью данных конструкций является то, что имя, выражающее доминирующее значение высказывания, является именным предикатом предложения, что заменяет глагольный предикат. Поэтому в притяжательных конструкциях, где выражающее значение локализации, качества, количества и тождества имя занимает место предиката, экзистенциальный глагол не появляется, а само предложение принимает другое доминирующее значение, чем посессивно-экзистенциальное, например, притяжательно-пространственное, притяжательно-качественное и т. д., ср.:

(4: 65) *Вань калыке уж дурын.* '(У меня) весь народ-мой при деле'.

(1: 40) *Гватемалецьёслэн ньлиоссы трос.* 'У гватемальцев детей много'.

(2: 3) *Оглом, милям мьлыкдымы умой.* 'Одним словом, настроение у нас хорошее'.

Безусловно, существуют различные сочетания высказываний, например, экзистенциальные высказывания могут сочетаться с локативными и притяжательными, с локативными и качественными и т. д. В подобных высказываниях *вань* появляется в том случае, когда посессивно-экзистенциальное значение доминирует, ср.:

(4: 40) *Вань солэн студиясыз Удмурт кун университетын но.* 'Есть у него студии и в Удмуртском государственном университете'.

В притяжательных конструкциях, где имя с дополнительным значением предшествует объекту посессора, предикат *вань* является факультативным или эллиптическим, поскольку эти имена играют роль определения или обстоятельства и место предиката становится свободным. В таких конструкциях обладатель зачастую может рассматриваться и как определение, и как дополнение, такие предложения принято называть посессивными предикативно-атрибутивными [Категория 1989: 177], ср.:

Студентлэн йёск вьлын книгаез (вань). 'У студента на столе (есть) книга'.

Гватемалецьёслэн трос ньлиоссы (вань). 'У гватемальцев много детей'.

Солэн секыт ужез (вань). 'У него тяжелая работа'.

Семантические особенности конструкции

Категория посессивности, в первую очередь, связана с 'биокультурной сферой' человека [Seiler 1983]. По мнению некоторых ученых, категория посессивности, изначально не существовавшая, возникла благодаря развитию социальных отношений человека, поэтому одушевленная посессия предшествовала неодушевленной [Heine 1997].

(2: 27) *Милям тодмо интыосмы но вань ни.* 'У нас уже есть знакомые места'.

(2: 85) *Режиссерлэн бадзым шодонэз вань...* 'У режиссера есть хорошее чутье...'

Неодушевленный посессор также может иметь место в конструкции, в этом случае он приобретает субъектный характер, ср.:

(2: 38) *Котькуд ужлэн вань 'малпан' но 'лэсьтон' вақытэз.* 'У каждой работы есть период 'обдумывания' и 'реализации'.

С другой стороны, конструкция может выражать факт обладания далеко не каждого предмета, даже если обладатель выражен одушевленным предметом. В рассматриваемой конструкции в качестве предмета обладания могут выступать, в основном, отчуждаемые или 'необязательные' предметы, тогда как при неотчуждаемом и партитивных отношениях факт посессии уже выражается самой семантикой объекта посессии и поэтому выражается атрибутивным путем [Чинчлей 1996: 103]. Встречаются случаи, где неотчуждаемые предметы участвуют в конструкции с *вань*, но конструкции в этом случае приобретают специфическое значение, а не собственно значение обладания, ср. *Анналэн кыыз вань, мед ачиз лэсьтоз* 'У Анны есть руки, пусть сама делает'. Этот пример мы рассматриваем не как ситуацию буквального обладания,

а как переносное высказывание о том, что Анна может самостоятельно выполнить работу.

Таким образом, в классической нераспространенной конструкции с глаголом *вань* могут участвовать одушевленный, субъектный неодушевленный possessor, с одной стороны, и необязательный, отчуждаемый предмет, с другой стороны. Тем не менее, данное правило не является абсолютным. В рассматриваемых конструкциях неотчуждаемый объект может употребляться:

1) В ситуациях, когда обязательные предметы окказиально могут мыслиться как необязательные, или обладатель является таким субъектом, которому данное неотчуждаемое качество не присуще в данный момент (конструкции с глаголом *вань*):

(4: 9) *Нош Кадимлэн тодэмез потүз, Алтаево гуртэз вöзысь нюлэслэн пумыз вань-а, öвöл-а шуыса.* 'А Кадиму захотелось узнать, есть ли, нет ли конца у находящегося рядом с его деревней Алтаево леса'.

Пичи нылылэн пиньёсыз вань ни. 'У моей маленькой дочери уже есть зубы'.

2) В высказываниях, где обладаемое имеет определение и выражает значение парциальности [Чинчлей 1996: 114] (с глаголом *вань*):

Машалэн сисьмем пиньёсыз вань. 'У Маши есть гнилые зубы'.

Йырсиелэн вайяськем пумьёсыз вань. 'У моих волос есть секущиеся кончики'.

3) В отрицательных высказываниях, когда та или иная обязательная часть может в буквальном смысле отсутствовать (с показателем *öвöл*):

Пересьлэн пиньёсыз öвöл. 'У старика / старушки нет зубов'.

Космослэн пумыз öвöл. 'У космоса нет конца'.

4) Неотчуждаемые предметы могут без ограничений употребляться в качественных ситуациях, когда квалифицирующее имя является предикатом, или в конструкциях без глагола *вань*.

Машалэн пиньёсыз чебересь. 'У Маши красивые зубы'.

Кинолэн пумыз умый. 'Конец фильма хороший'.

В группе терминов родства есть как обязательные термины типа *мама, папа, бабушка, дедушка, родители*, так и необязательные термины типа *сестра, брат, ребенок, муж, жена, теща* и т. д. С необязательными употребление обычное, ср. *Солэн сузэрыз вань* 'У него/нее есть (младшая) сестра'. Употребление с обязательными подчиняется общему правилу:

(3: 27) *Озы анай-атайзы вань вьлысь йыло сирота нылтиос.* 'Так, несмотря на имеющих родителей, увеличивается число сирот'.

Машалэн атайез öвöл. 'У Маши нет отца'.

Петырлэн анайез ужась. 'У Пети мать работящая'.

В этом ряду необязательные имена в традиционном понимании могут восприниматься как обязательные, поскольку традиционные удмуртские семьи являются большими и имеют обширные родственные связи, поэтому при констатации существования братьев-сестер, детей, обычно используются не экзистенциальные, а количественные высказывания, ср.:

Солэн кунь пиналыз. 'У нее / него трое детей'.

Машалэн кык суэрыз но одйг выныз (вань). 'У Маши две (младших) сестры и один (младший) брат'.

4. Основные предикативные конструкции, выражающие отношение принадлежности

Все языки так или иначе отличают значение принадлежности. В удмуртском языке основным способом выражения значения принадлежности являются притяжательные суффиксы, ср. *книга-е* 'книга-моя'. Кроме того, данное значение широко выражается атрибутивной посессией, ср. *студент-лэн книга-ез* 'книга студента'. В предикативной посессии конструкции притяжательности не столь популярны, как конструкции, выражающие отношения обладания. В удмуртском языке в обеих конструкциях могут использоваться те же самые морфологические показатели, но в то же время синтаксическая структура конструкций не совпадает.

4.1. Конструкция N NGen

Конструкция *Книга студентлэн* 'Книга принадлежит студенту' является одной из основных в удмуртском языке для выражения отношения принадлежности. В этой конструкции обладаемое предшествует обладателю, не имеет указания на посессора или не имеет притяжательного суффикса и является подлежащим. Посессор выражен формой генитива на *-лэн* и следует обладаемому, в предложении является предикатом. В данной конструкции глагольный предикат отсутствует. Подобная структура представляет собой некую инверсию конструкции с *вань*. Как уже упоминалось, особенностью конструкций-принадлежности является то, что объект обладания является всегда определенным. В удмуртском языке эффект определенности достигается путем детерминативных местоимений типа *та* 'этот' и *со* 'тот', которые в рассматриваемом высказывании занимают инициальное положение и предшествуют объекту обладания, хотя наличие этих местоимений необязательно. Таким образом, объект посессора, хоть и не имеет притяжательного суффикса, является определенным.

Формы прошедшего времени образуются с помощью служебного глагола *вал / ой вал* и *вылэм, выльлялэм / өвёл вылэм, өвёл выльлялэм, вылымтэ, выльлялэмтэ*. Формы будущего времени образуются с помощью глагола *луыны* в форме *луоз / уз луы, луозы / уз луэ*.

(2: 85) *Со передача мынам*. 'Это моя передача'.

(1: 34) *Нош кыче-о луоз меда со герзет ньлылэн?* 'Каким же будет эта связь моей дочери?'

Книга студентлэн вал. 'Книга принадлежала студенту'.

Книгаос студентлэн выльлялэмтэ. 'Книги, оказывается, не принадлежали студенту'.

Данная конструкция также широко применяется с предикатом *луыны* (см. 4.4.).

4.2. Конструкция N NGen NPx

Кроме того, для выражения отношений принадлежности инверсия компонентов необязательна. Отношения принадлежности выражаются также тождественно-посессивными (или посессивно-идентификационными) конструкциями, которые состоят из трех компонентов: первый выражен номинативом, занимает инициальное положение и является подлежащим в предложении.

Далее следует имя в генитиве с последующим объектом обладания с притяжательным суффиксом, данное сочетание составляет предикат предложения. Часто первый компонент выражается местоимением (например, личным, указательным, собирательным). Первый компонент может также обозначать предмет или личные имена. Формы будущего и прошедшего времени образуются подобно всем тождественным высказываниям.

(1: 36) *Со Иоханналэн картээ*. 'Он муж Иоханны'.

(2: 64) *Со тынад кужымед!* 'Это твоя сила!'

(4: 51) *Озыен, со тйляд выль малланды, шуыны луоз*. 'Итак, можно сказать, что это ваша новая идея'.

(1: 17) *Ужмылэн иньэтээ – тодмо мадыр профессорлэн монографиез*. 'Основа нашей работы – монография известного венгерского профессора'.

В случаях, когда первый компонент выражен местоимением, в данной конструкции возможна перестановка. В таком случае роль посессора усиливается, и предложение приобретает выделительное характер, ср.:

Иоханналэн со картээ (, *Саралэн өвөл*). 'Он муж Иоханны, а не Сары'.

Тынад со кужымед (, *мынам өвөл*). 'Твоя это сила, а не моя'.

Тождественно-посессивные конструкции, где посессор является инициальным в предложении, а следующий объект не является указательным местоимением, выражают отношение обладания, ср.

Иоханналэн Петр картээ (вань). 'У Иоханны (есть) муж Петр'.

4.3. Конструкция N NDat N

Существуют подобные тождественно-посессивные конструкции, где посессор выражен дативом и обладаемое не имеет притяжательного суффикса. Формы прошедшего и будущего образуются таким же образом, как и в предыдущей конструкции.

(5: 10) *Азыланыз сюрес вылын со змос эш луоз солы*. 'В будущем на дороге он будет ему настоящим другом'.

(3: 49) *Со тыныд бускель өвөл*. 'Он тебе не сосед'.

Данная конструкция не является продуктивной в удмуртском языке, когда, например, в русском языке она встречается намного обширнее.

4.4. Конструкции N NGen NPx lue/luo

В удмуртском языке существуют тождественно-посессивные конструкции, выражающие отношение принадлежности, выраженные с помощью предиката *луыны*. Данный глагол в рассматриваемом контексте имеет значение 'быть, являться'. Кроме того, при одушевленном обладателе и объекте обладания глагол можно истолковать как 'приходится', а при неодушевленном объекте или обладателе – 'принадлежит'. Притом посессор может быть выражен как генитивом, так и дативом. Структура предложения при этом может соответствовать рассмотренным выше предложениям N NGen, N NGen N, N NDat N.

(3: 37) *Со ик дивизилэн командирез луэ*. 'Он же является командиром дивизии'.

(1: 39) *Со луэ шаерлэн тужгес но бадзьымеэ паркез*. 'Это один из самых больших парков страны'.

(3: 16) ...малы ке шуоно, курегпузлы укшась форма берганлэн 'нылтиез' луэ. '... так как яйцеобразная форма – это дитя (вода)ворота'.

Петыр Сандыр Анноклэн кырсиез луэ. 'Александр Петрович придется Анне шурином'.

Петыр Сандыр Анноклы кырси луэ. 'Александр Петрович приходится Анне шурином'.

Конструкции с дативом не являются продуктивными и употребляются, в основном, только с одушевленными именами.

В прошедшем времени глагол *луыны* заменяется в этих случаях на *вал/ой вал*. Как самостоятельный глагол, *луыны* также может образовывать составное прошедшее время. В будущем времени приобретает обычные показатели, ср.:

Со дивизилэн командирез вал. 'Он был командиром дивизии'.

Со дивизилэн командирез луэ вал. 'Он был командиром дивизии'.

Со дивизилэн командирез луоз. 'Он будет командиром дивизии'.

Семантические особенности конструкций

Как и предыдущим конструкциям, данной конструкции свойственен одушевленный обладатель и необязательный или отчуждаемый объект обладания. Если в высказывании участвуют неотчуждаемые объекты, то они мыслятся отдельно от целого или от того предмета, неотчуждаемой частью которого являются, ср.:

Та йырси Танялэн. 'Этот волос принадлежит Тане'.

Со тинь Педорлэн. 'Тот зуб принадлежит Федору'.

В данных примерах *волос* и *зуб* подразумеваются как отдельные предметы: волос, который выпал; зуб, который выпал или был вырван.

В отличие от конструкций, выражающих отношение обладания, конструкции со значением принадлежностного отношения широко употребляются с терминами родства или в высказываниях идентификации, ср.:

Та пинал Вуко гуртысь Машалэн. 'Это ребенок Маши из деревни Вуко'.

Онтон Машалэн туганэз (луэ). 'Антон – Машин жених'.

Заключение

В ходе исследования нами установлено, что в удмуртском языке различаются посессивные предикативные конструкции, выражающие значения обладания и принадлежности.

Конструкции со значением отношения обладания совпадают с атрибутивными конструкциями, т. е. обладатель и обладаемое имеют подобную морфолого-синтаксическую структуру. Тем не менее, конструкции имеют разные семантические значения: атрибутивная конструкция выражает отношение принадлежности и имеет определенный объект обладаемого, во втором случае выражаются отношения обладания, и объект посессора является неопределенным. Кроме того, вторая конструкция представлена экзистенциальным предикатом *вань* и ее отрицательной формой *өвёл*, что в типологическом плане соотносит удмуртский язык с типичными 'mihī est' языками, или языками, где отношение обладания выражается экзистенциальным предикатом. Глагол *вань* в удмуртском языке имеет основное значение 'есть, быть в наличии', а также употребляется в качестве служебного глагола. Этот глагол в настоящем времени в качестве глагола-связки в высказываниях с другим доминирующим

значением, чем экзистенциальность, не употребляется. Поэтому, в посессивных конструкциях, где доминирует иное отношение и имеющее доминирующее значение имя выражено предикатом, глагол *вань* не появляется.

Предикативные конструкции, выражающие отношения принадлежности, могут быть представлены двумя или тремя компонентами в тождественных высказываниях. Они могут быть выражены без глагольного предиката или с предикатом *дуыны*. В случае отсутствия глагольного предиката в двучленных предложениях обладатель играет роль предиката и последует обладаемому. В тождественных трехчленных выражениях без глагола обладатель и объект обладаемого составляют предикативную основу высказывания. В данной конструкции обладатель может приобретать показатель датива, что не характерно конструкции со значением обладания.

В отличие от атрибутивной посессии, предикативная посессия в удмуртском языке имеет ограниченное употребление. В данном типе конструкций, как правило, употребляется одушевленный посессор и необязательный или отчуждаемый объект обладания. В конструкциях со значением обладания может употребляться неотчуждаемый объект, но в этом случае конструкция выражает несобственно значение обладания. Неотчуждаемый объект также может в прямом смысле употребляться в ряде случаев. В конструкциях же со значением принадлежности неотчуждаемый объект может мыслиться только как отдельный предмет. Последняя конструкция широко используется для выражения родственных и тождественных отношений.

В данном исследовании мы рассматривали только основные предикативные конструкции, выражающие собственно притяжательные отношения. В дальнейшем, планируется также исследовать конструкции, которые выражают несобственно-притяжательные отношения, например, конструкции с посессивными актантами, модальные высказывания и т. д.

Список литературы

Артюнова Н. Д., Ширяев Е. Н. Русское предложение. Бытийный тип (структура и значение). М., 1983.

Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.

Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. СПб, 2001.

Вахрушев В. М. Субстантивированные словосочетания в удмуртском языке // Словосочетания в удмуртском языке. Ижевск, 1980.

Вахрушев В. М. Изафетные конструкции в удмуртском языке // Записки УдНИИ. Ижевск, 1970. Вып. 21.

Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология. Ижевск, 1962.

Грамматика современного удмуртского языка: Синтаксис простого предложения. Ижевск, 1970.

Журиная М. А. Именные посессивные конструкции в меланезийских языках // О языках, фольклоре и литературе Океании. М., 1978. С. 16–38.

Журиная М. А. О выражении значения неотторжимости в русском языке // Семантическое и формальное варьирование. М., 1979. С. 295–347.

Категория посессивности в славянских и балканских языках / Академия наук СССР, Институт славяноведения и балканистики; отв. редактор: В. В. Иванов. М., 1989. http://ester.utlib.ee/search~S1*est?/c1+П+А-18306/c1+ii+a+18306/-3.-1..B/browse

Категория притяжательности в славянских и балканских языках. М., 1983.

Основы финно-угорского языкознания: марийский, пермские и угорские языки / Академия наук СССР. Институт языкознания. М., 1976.

Перевоицков П. Н. Притяжательные формы связи имен в определительных словосочетаниях удмуртского языка / Записки УДНИИ. Вып. 18. Ижевск, 1957. С. 71–93.

Писаркова К. Посессивность как грамматическая проблема (на примере польского языка) / Грамматическое описание славянских языков. Концепции и методы. М.: Наука, 1974. С. 171–176.

Серебренников Б. А. Историческая морфология пермских языков / АН СССР. Ин-т языкозн. М., 1963.

Серебренников Б. А. К истории возникновения конструкции типа коми-зырянского *аддза батьлысь керка* "вижу дом отца" в пермских языках // Историко-филологический сборник. Сыктывкар, 1958. Вып. 2. С. 195–196.

Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. СПб, 1996.

Хонту Л. 'habere' "по-уральски". *Linguistica Uralica* XLIV. Tallinn, 2008. Pp. 161–177.

Heine B. *Possession: Cognitive sources, forces and grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.

Keř' makov V., Hännikäinen S. *Udmurtin kielioppia ja harjoituksia*. Helsinki, 1999.

Langacker R. W. Possession and possessive constructions // *Trends in Linguistics/ Studies and Monographs* 82/ *Language and Cognitive Construal of the World*. Ed. by John R. Taylor, Robert E. MacLaury. Mouton de Gruyter. Berlin. New York, 1995. Pp. 119–135.

Lehiste Ilse. 'Being' and 'having' in Estonian // *Foundations in Language. Supplementary Series. Volume 14. The verb "be" and its synonyms*. Ed. by John Verhaar. 1972. Pp. 207–224.

Sazhina N. *Possessiivsuse väljandamise viisid tänapäevase eesti ja süriakomi keeles*. Magistritöö. Tartu Ülikool, Tartu, 2005.

Seiler H. *Possession as an operational dimension of language*. Tübingen: Gunter Narr, 1983.

Szinnyei J. *Finnische-ugrische Sprachwissenschaft*. Leipzig, 1910.

Ullian R. *Toward a Typology of Substantival Possession // Universals of Human Language*. Ed. by Joseph H. Greenberg. Vol. 4. Syntax. Stanford: Stanford University Press, 1978. Pp. 11–49.

1. Инвожо 2004, ноябрь;
2. Инвожо 2006, февраль, март;
3. Инвожо 2006, апрель-май;
4. Инвожо 2006, июнь-июль;
5. Инвожо 2006, ноябрь-декабрь;
6. Инвожо 2007, №№ 5, 6.